

раздел «Земной поклон» (после «Березовика» и «Богини, пахнувшей сеном») включает стих. «Пушкин», «Тень Тютчева», «Лев Толстой», «Ближе всех мне, конечно, Есенин...», «В лесу весеннем тетерев токует...» об И. С. Тургеневе, «Росток» об И. А. Бунине, которому «с Родиной в разлуке» «виделась так четко под Парижем / Орловская невзрачная изба» (Прялка матери. С. 115), цикл о Твардовском; в «Крыльце» этот цикл повторен с добавлением двух текстов, заключающих же книгу более пространной цикл «Поклон Пушкину» с рискованным сопоставлением в первом стих. «Опять гляжу на Пушкину Наталью...», в начале которого автору «кажется: с небес она сошла», зато в финале «этой красотой я только ранен, / А Пушкин ею вовсе был убит!» (Там же. С. 119). Встречаются осознанные или неосознанные переключки с разными поэтами. «Когда влюблен я, бог тогда во мне...» («Трава под снегом») ориентировано на лермонтовское «Когда волнуется желтеющая нива...», а в «Ветке молнии» лирический герой, подобно Мцыри, который «рукою молнию ловил», заявляет: «Чтобы устоять в грозу любую, / Я за ветку молнии держусь!» (Там же. С. 152). «Я умру на веселом рассвете...» — возможная вариация на тему стих. Н. М. Рубцова «Я умру в крещенские морозы...»; финал здесь напоминает также Есенина: «Станешь ты сразу строже и старше, / Но, коль птицы успели пропеть, / Знай, любимая: вовсе не страшно / В самых первых лучах умереть...» (Крыльцо. С. 62).

Тема смерти наряду с опытами метафизической проблематики усиливается на рубеже 1990-х. Лирический герой пытается заглянуть в запредельное и констатирует пронцаемость того мира: «...и в просторах смерти / Можно жизни отыскать следы. <...> Не гуляй по травам там порою / Здесь давно бы не было меня...» («О жестоком говорить не смейте!..») или начало другого: «Меж любовью и смертью лишь льдина плывет...» (Крыльцо. С. 83, 61). Наряду с этим появляется своего рода богоборческая тема, связанная с социальной: «Взгляни, о Господи, коли не лень, / Своими родниковыми глазами, / Как душу распинают каждый день / Тяжелыми библейскими гвоздями. / Как можешь ты, весь мир в руке держа, / Молчать, на землю горькую взирая, / Когда кричит и корчится душа, / С тоской великой к небесам зывая?» (Стезя. С. 12). Ранее к небожителям практически приравнивался вызывавший восхищение поэт-земляк: «Жил Твардовский какой-то частью, / Прямо скажем, на небесах. / Дове-

лось мне какое счастье! / Отразиться в его глазах» (Прялка матери. С. 122). Стих. С. обычно коротки, нередко в одно-два четверостишия: «Жизнь прошла деревенской страдою: / Жаркой, пыльной, полевой. / На работу ушла молодою, / А вернулась старухой домой...» (Крыльцо. С. 110). Формальный эксперимент С. чужд, из неклассических форм стиха употребителен только дольник.

С 1995 по 2002 С. удостоен нескольких лит. премий. Наиболее крупная публикация С. этих лет — в сб. трех авторов «Поэтический Олимп» (М., 1999).

Соч.: Русское поле. М., 1971; Громова криница. М., 1975; Прялка матери. М., 1980; Осинный огонь. М., 1982; Берег бытия. М., 1983; Земная колокольня. М., 1986; Ночная птица. М., 1986; Крыльцо. Смоленск, 1990; Языческая пляска. М., 1992; В гостях у жизни. М., 2004; Ветка выюги / предисл. В. Бокова. М., 2005.

Лит.: Боков В. Он пришел из деревни... // Лит. Россия. 1992. 20 марта; Дорогань О. «Жизнь на земле и есть разлука с Богом...» // Российский писатель. 2002. Окт.

С. И. Кормилов

СМИРНОВ Владимир Александрович [30.9.1937, пос. Териберка Мурманской обл.— 27.11.1995, Мурманск] — поэт, переводчик, публицист.

Сын легендарного командира партизанского отряда «Большевик Заполярья» (одного из двух, действовавших на Кольском Севе-

В. А. Смирнов

ре) Александра Смирнова. Жил с родителями в Умбе, Никеле, Коле, Мончегорске, среднюю школу окончил в Мурманске. Учился в Кировском горном техникуме. Работал на лесосплаве, в геологоразведочных экспедициях на Ангаре, в Якутии, Хабаровском крае. Окончил Лит. ин-т им. А. М. Горького (1965), где занимался в семинаре Сергея Смирнова. С 1965 жил в Мурманске, работал на областном телевидении, а в последние годы жизни — в газ. «Мурманский вестник». Как переводчик познакомил русского читателя с поэзией первой саамской поэтессы, писавшей на родном яз., — Октябрины Вороновой. В 1978-м С. первым из писателей-уроженцев Кольского Севера стал членом СП СССР (с 1991 — России).

Первые поэтические публикации С. состоялись на рубеже 1950–60-х, а дебютная книга «**Таежные маяки**» увидела свет в Мурманске в 1962. Как писал критик, в этой книге «много наивного, ученического, далекого от самостоятельности. Однако в искренности тем давним стихам не откажешь...» (Миланов А. — С. 3). Это же отличало и второй поэтический сб. С. — «**Жизнь, которой живу**» (1966). По словам Г. Рудякова, установить контакт с читателем автору «...помогает достоверность поэтической интонации, эмоциональность, взволнованность его стиха, берущая начало не в книжных образах, а в самой жизни...» (Рудяков Г. — С. 220). Свообразие книги заключалось в «...простоте, искренности и в драматической ноте, пронизывающей почти каждое стихотворение...» (Лявданский Э. — С. 112).

Разговор о сути поэтического ремесла возникает неожиданно в стих. «**Шаман**» — внешне, казалось бы, далеко от этой темы. Поэт сравнивает себя здесь с шаманом. Аналогия уместная и достаточно точная: поэт действительно похож на шамана, а стихи с их четко выдержанным ритмом, рифмами — сродни заговорам, способным врачевать раны, если не телесные, то душевные — во всяком случае. Поэтому так же, как шаман, пишет Смирнов, «я хворь гоню, залечиваю раны». Как отмечал М. Тарасов, «это стихи не только о силе поэтического слова и о доверии людей к нему. Оправдать это доверие, завоеванное... предшественниками — вот мысль, одухотворяющая стихотворение...» (Тарасов М. — С. 154).

Целый цикл произведений С. посвящен Поморью — миру, откуда он сам происходит, где он рос, где прошли его детство и юность. Поморы — народ особый, с устоявшимся, вековым традиционным укладом, специфиче-

скими привычками, собственным языком. С. — часть этого мира, и свой поэтический космос он строит как истый помор: основательно, в соответствии с традиционными привычками и жизненными установлениями этих людей.

От мира, который создает поэт, рассказывая о своем родном крае, исходит тепло. Особый душевный климат, человеческая теплота и чистота согревают все вокруг, даже погоду. Этим теплом проникнуты мн. стихи поэта, собранные в книгах «**Поморье**» (1974), «**Поветерье**» (1981), «**Взводень**» (1982), «**Побережник**» (1987). Мир этих стихов населен множеством реальных, действительных и, что очень важно, если мы говорим о худож. слове, зримых деталей хорошо знакомой автору жизни. Так, в стих. «**Перевозчик**» он рассказывает о поморском селе, которое пополам разделила река, получилось «двадцать изб — на одной стороне, остальных двадцать изб — на другой». Эта, на первый взгляд, всецело бытовая, житейская подробность, вынуждающая лирического героя мотаться по водной глади от одного берега к другому, вместе с тем и глубокий худож. образ, за которым таится очень непростая проблема. Это и указание (прямо и непрямо) на разделенность и раскол, который принесла на землю богомольного Поморья советская эпоха. С одной стороны, новая власть — сельсовет, с другой — власть духовная, вечная — церковь.

Но «мы все ж отцовской верою крепки». И хотя «за стеклами, где свет горел когда-то, навечно поселились тишь и мгла», все равно — «Божий храм, величественный, строгий, главу подняв, над поймой воспарил».

В процитированном стих. речь идет об умирающей деревне — обезлюдевшей, пустой. И храм здесь такой же — заброшенный, забытый людьми. Деревня эта видится некой «последней чертой», за которой — иная жизнь, и — смерть привычного поморского уклада. А началось это умирание с момента, когда храм перестал быть храмом. Духовная опора долгой жизни деревни — православная вера. Об этом поэт и пытается сказать: «А этим бы домам в дымы рядится. / И жить да жить наперекор векам / В Мезени, Холмогорах, Золотице — / По северным поморским берегам... / Деревни по музеям помещая, / Мы все ж отцовской верою крепки. / Смотрите! Никому не помешает / Знать, что бывали выше потолки...» («**Малые Корелы**»).

Как отмечал Э. Лявданский, С. показывает своеобразные, индивидуальные черты Кольского края, для него «важно... оставить зафиксированными в поэтическом слове его

необычность и красоту: полночное солнце в летнюю пору, снежные холода и метели в июле. Здесь особенно остро переживается внутреннее родство человека с природой и людьми» (Пантелеева Л., Лявданский Э.— С. 73). Это родство находит свое отражение в народной лексике — местных, поморских диалектных словах, которые поэт использует в стихах — «красень», «побережник». В стих. «Красень» поэт не просто любит звучанием слова («Красень! — Даже слово-то из лета»), но использует и связанную с ним примету, которую сообщает ему бабушка-поморка: «Завтра день, однако, будет ясен. / Погляди-ко, ночь какая красень, / Горизонт-то — / Будто-то бы расцвел...»

Верный традиции предков, С. несколько лет ходил в море, но морских стихов у него не много. Как сам он писал позднее: «Не всех мальчишек-поморов обязательно тянет в море. Так случилось со мной. Я окунулся в земные проблемы, в геологию. И лишь спустя годы, когда познакомился с капитаном и поэтом Борисом Романовым, мне ясно представилось, сколько я потерял! Я до сих пор помню стихи Романова: „и поцелуи не потушат огонь соленый на губах...“ И так я завидовал людям, которые пробовали эту „морскую соль“, что однажды плюнул на редакторское кресло ТВ и ушел в море...» (Мурманский вестник. 1996. 6 янв.) И начались стихи о море и морской работе, которые сам автор называл «солеными».

Лирический герой С.— охотник, рыбак, влюбленный в лес, природу, приносит этот мир с запахом костра и еловых веток с собой — на корабль, «в коробку из железа». Вживается, вырастает в новую жизнь, новое, неизведанное пространство — как дерево в стих. «Корабль» (сб. «Круги земли», 1971), которое «вдруг оторвали от земли». Вокруг — вода, все вокруг незнакомо и чуждо. Но и здесь, «за сотни миль от роц и пожен», надо жить. И он — живет, постепенно привыкая к существованию в «коробке из железа», он «в палубу пускает корни». Новый мир становится понятней, родней. А лес, что все снится по ночам герою, меняется, в этом лесу «плещут волны теплых веток, / качая солнце в небесах. / И терпкий горьковатый ветер / гудит в зеленых парусах...»

Море для С. лишь повод, чтобы рассказать о людях, о родной земле, используя при этом несколько иной, необычный ракурс зрения. Его родство с природой Кольского Севера очевидно по мн. его стихам. Поэт — «уроженец здешних мест, ощущает себя в Заполярье не гостем, не наблюдателем, но соучастником

всего происходящего. Им остро переживается внутреннее родство с природой и людьми...» (Пантелеева Л., Лявданский Э.— С. 72.)

Заветные слова которыми руководствуется поэт в общении с природой, звучат в стих. «Тайбола»: «Мы друзья с любым лесным зверьем...» Поэт не отделяет себя от мира животных и птиц, сознает себя его частью. Особенное внимание — травам и цветам. «Подорожник», «Зверобой», «Иван-чай» — название поэтических произведений о соответствующей траве: не только о внешнем ее облике, но и о лечебных свойствах.

Поэт не приемлет наступления на этот понятный и близкий ему мир города, цивилизации. К этому противостоянию С. обращается в стихах неоднократно: «А здесь — ни голоса, ни выстрела. / Куда ни глянешь — снег да лед. / И только бешено в транзиторе цивилизация орет...» («Опять по сопкам ветер злится...»). «Цивилизацию» приносит в лес человек: обремененный достижениями НТР, он способен навредить — слишком неосторожен, невнимателен к тому, что, по сути, составляет условие собственной его жизни — лесу, воздуху, воде. Итог такого отношения — умирает лес, исчезают редкие животные, мелеют реки.

Естественное желание в этой ситуации — встать на защиту, помочь миру зверей выстоять, выжить. Этот мотив, пожалуй, главный в стихах С. о природе: «Лес манит нас своей красотой, которую нам выпало беречь» и «Пусть я буду скуп не по годам, / но вот это золото лесное / никому на свете не отдам!» («Русское золото»).

Взаимоотношения человека и природы — эта тема становится одной из основных в последнем прижизненном сб. С. «Поклонный крест» (1993). «Поэта тревожит, что люди часто теряют живую взаимосвязь с природой, наносят ей непоправимый вред и порою не замечают, как сами утрачивают духовность... теряя и отзывчивость, и сострадание, и сочувствие...» — писал С. Питиримов (Питиримов С.— С. 4).

Часть «Поклонного креста» составили «Кольские старины» — стих., рассказывающие о наиболее ярких событиях дореволюционной истории Кольского края. Поклонный крест — крест, к которому приходили поморы перед выходом на промысел. Но у С. такой крест — это многоплановый образ. Как отмечал П. Федоров, самое важное, к чему призывает автор — «не быть Иванови, не помнящими родства. Каждый из нас должен найти на этой земле свой поклонный крест, иначе жизнь теряет свое драгоценное духовное начало...» (Федоров П.— С. 3).

Соч.: Таежные маяки. Мурманск, 1962; Жизнь, которой живу. Мурманск, 1966; Круги земли. Мурманск, 1971; Поморье. Мурманск, 1974; Поветерье. Мурманск, 1981; Взводень. Мурманск, 1982; Побережник. Мурманск, 1987; Поклонный крест. Мурманск, 1993; Стихи // Мурманский вестник. 1996. 6 янв.

Лит.: Тарасов М. Подотчетный и доверенный // Север. 1966. № 6. С. 153–155; Рудяков Г. Жизнь, которой живу // Октябрь. 1967. № 7. С. 220–221; Ковалев Д. Взгляд на «Поморье» // Полярная правда. 1974. 20 дек.; Харчев В. // Север. 1976. № 2. С. 2; Лявданский Э. Постичь суть бытия // Север. 1984. № 2. С. 112, 114–115; Миланов А. Причастность // Мурманский вестник. 1995. 18 июля. С. 3; Пантелеева Л., Лявданский Э. Храни огонь родного очага. Мурманск, 1993; Питиримов С. «Поклонный крест» Владимира Смирнова // Советский Мурман. 1993. 30 июня. С. 4; Федоров П. «Поклонный крест» Владимира Смирнова // Мурманский вестник. 1993. 18 нояб. С. 3; Семенов В. Я родился в день Веры, Надежды, Любви... // Полярная правда. 1997. 30 сент. С. 3.

Д. В. Коржов

СМИРНОВ Николай Павлович (псевдонимы Иван Смирнов, Сергей Вьюгин, Путешественник) [28.2(12.3).1898, г. Плес ныне Ивановской обл.— 7.9.1978, Москва; похоронен на Пятницком кладбище] — поэт, прозаик, критик.

Родился в состоятельной и культурной купеческой семье. Отец, городской голова Плеса в 1903–17, выписывал новые книги и журналы. В детстве и отрочестве любимым занятием С. был просмотр ж. «Нива», «Пробуждение», «Живое слово» с приложениями портретов артистов, писателей и репродукций живописных произведений. Тогда С. познакомился с произведениями И. Бунина. Его проза и поэзия позднее окажут сильное влияние на С. Другой источник его убеждений — домашний уклад, неотрывный от православной жизни Плеса. Отсюда в сердце С. проник «нежный луч умиротворения, тишины, любви» (**Медальоны памяти**. С. 189).

С. начал печататься будучи учеником Кинешемского реального училища (1911–19) — в «Кинешемском вестнике», кустромском «Курьере», в московском «Журнале для женщин». Первые, подражательные стихи появились в 1914–15 в московской «Газетке для детей и юношества». Они запечатали восторженное отношение к природе, родному дому, национальным традициям: «Хорошо дни святочные дома / Проводить, в родном кругу своих!» (**Святки** // Газетка для детей и юношества. 1915. 8 янв. С. 145).

Духовная тема присутствует и в пореволюционной поэзии С. Он видел волжскую

природу в небесном свете: «**На Волге**», «**Свет тихий**», «**Левитановские места**» (Земные ласки: альм. Кинешма. 1922. С. 17–19). Но окружающий мир все более секуляризировался, властно требовал жить по новым законам. С. увлекся политической современностью и отказался от «многих из старых и традиционных культурных и бытовых ценностей» (**Автобиография** (1963) // Певец золотого Плеса. С. 5). В число «многих» не вошли его глубокие церковные убеждения. Он сочетал их с безоговорочным приятием и защитой советской государственности. В 1920 вступил в РКП(б), в 1920–21 редактировал кинешемскую газ. «Рабочий и крестьянин», в 1922 был членом редколлегии ивановской газ. «Рабочий край», осенью того же года переехал в Москву и стал секретарем редакции, публицистом и критиком газ. «Известия ВЦИКа».

С 1926 и до начала 1930-х работал лит. секретарем ж. «Новый мир», был сторонником «Перевала», дружил с Н. Н. Зарудиным, И. И. Катаевым, В. П. Правдухиным, И. С. Соколовым-Микитовым. Вместе с тем С. оставался верен православному истине. 18 мая 1930 он писал критику Н. И. Замошкину о К. Н. Леонтьеве на Афоне: «Зашел в келью старца и, упав перед ним, горько разрыдался („плакал горько“ — как в Евангелии). Как это понятно для меня!» Однако после 1922 произведения С., запечатлевшие его церковные симпатии, в печать не попадали (См.: Перхин В. В.— С. 265; Певец золотого Плеса. С. 153–173).

Постоянные темы прозы С.— природа и охота, пробуждающие чувство прекрасного, излечивающие от душевных ран. «Любовь к природе как образу Родины — одно из проявлений патриотизма», — считал С. (Золотой Плес. С. 145). Лики природы в произведениях С. многообразны. Это и сад, окружавший отчий дом («Резной орнамент синего окна. / А за окном прозрачная светлица — / Холодный сад» (**Будильник** // Рабочий край. 1921. 29 марта). Это и парки, овраги, берега Волги в рассказах «**Зимняя дорога**», «**Прялка**», «**Первопуток**» (1922–28). В 1929 появилась его первая книга «**Изумруд Севера**», в основном составленная из рассказов и бытовых очерков. В начале 1930-х С. обратился к более свободному жанру, который он назвал «повествованием». Получилась небольшая по объему повесть «**Человек и жена**» (1933) — о дореволюционной и послереволюционной молодежи, о несостоявшейся любви мужчины из «мира дворянской лирики» и женщины из «мира но-